

Рассуждение о старом и новом слоге российского языка

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.
OCR Бычков М.Н.

<...>

В некоторой книжке случилось мне прочитать следующий вопрос: *отчего в России мало авторских талантов?*¹ Сочинитель, рассуждая о сем, между прочим, говорит:

*"Хотя талант есть вдохновение природы, однакож ему должно развиваться² и созреть от постоянных упражнений. Автору надобно иметь не только собственно так называемое дарование, -- то есть какую-то особенную деятельность душевных способностей, -- но и многие исторические сведения, ум, образованный логикою, тонкий вкус и знание света. Сколько время (правильнее времени) потребно единственно на то, чтобы совершенно овладеть духом языка своего? Вольтер³ сказал справедливо, что в шесть лет можно выучиться всем главным языкам, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному. (А мы во всю жизнь учась чужому и не заглядывая в свой, хотим быть писателями!) Нам Русским еще более труда, нежели другим. Француз, прочитав Монтаня⁴, Паскаля⁵, пять или шесть авторов века Людовика XIV, Вольтера, Руссо⁶, Томаса⁷, Мармонтеля⁸, может совершенно узнать язык свой во всех формах -- (во всех родах, я думаю); -- но мы, прочитав множество церковных и светских книг, соберем только материальное или словесное богатство языка, которое ожидает души и красок от художника. (На сие мнение не во всем согласиться можно: мне кажется, ежели француз, прочитав Монтаня, Паскаля, Вольтера, может совершенно узнать язык свой, то и мы, прочитав множество церковных и светских книг, то же самое узнать можем; ибо если нынешние французы учатся у Монтаней, Паскалей, Вольтеров, то и Монтани, Паскали, Вольтеры у кого-нибудь также учились. Писатели по различным дарованиям и склонностям своим избирают себе род писания: иной трубу, другой свирель; но без знания языка никто ни в каком роде словесности не прославится. Писателю надлежит необходимо соединить в себе природное дарование и глубокое знание языка своего: первое снабждает его изобилием и выбором мыслей, второе изобилием и выбором слов. Писать без дарования, будешь Тредьяковский {Я разумею о стихотворстве Тредьяковского; что ж принадлежит до исторических переводов его и писаний в прозе, оные отнюдь не должны почитаться наравне с его стихами.} ⁹; писать без знания языка, будешь нынешний писатель. Конечно, без разума, утвержденного науками, хотя бы кто и все церковные светские книги прочитал, он приучил бы токмо слух свой к простому звуку слов, нимало не обогащающему рассудка нашего, и, следовательно, не собрал бы никакого ни *умственного*, ни *словесного* богатства. Но тот, кто, имея острый ум, прочитает их с рассуждением и приобретет из них познание в краткости, силе и красоте слога; то почему же сей не сделается тем художником, который всему изображаемому дает душу и краски? Я думаю совсем напротив: французы не могли из духовных книг своих столько заимствовать, сколько мы из своих можем: слог в них величествен, краток, силен, богат; сравните их с французскими духовными писаниями и вы тотчас увидите. Надлежит токмо отрясть от себя мрак предрассудка и не лениться почерпать из сего неисощаемого источника.) Истинных писателей было у нас еще так мало, что не успели дать нам образцов во многих родах; не успели обогатить слов тонкими идеями; не показали, как надобно выражать приятно некоторые, даже обыкновенные мысли. (Превосходных писателей в разных родах, конечно, было у нас мало; но светских, а не духовных; и первых мало оттого, что не читают они последних. Я не говорю, чтоб могли мы из духовных книг почерпнуть все роды светских писаний; но кто при остроте ума и природных дарованиях будет в языке своем и красноречии силен, тот по всякому пути, какой токмо изберет себе, пойдет достолепно. Есть у нас много великих образцов, но мы не знаем их и потому не умеем подражать им. Между тем и в светских писателях имеем мы довольно примеров: лирика, равного Ломоносову¹⁰, конечно, нет во Франции: Мальгерб¹¹ и Руссо¹² их далеко уступают ему; откуда же брал он образцы и примеры? Природа одарила его разумом, науки распространили его понятия, но кто снабдил его силою слова? Если бы Сумароков¹³ познанием языка своего обогатил себя столько же, как Ломоносов, он бы, может быть, при остроте ума своего, в сатирических сочинениях не уступил Буалу¹⁴, в трагических Расину¹⁵, в притчах ла Фонтеню {Притчи и эклоги всего более украшаются простотою слога и выражений; но прочие сочинения требуют возвышенных мыслей. Сумароков родился быть стихотворцем, но природное дарование его не подкреплено было прилежным упражнением в языке своем и глубоким знанием оного <...>} ¹⁶. Вольно*